
ФИЛОСОФИЯ

УДК 1:316.4

DOI: 10.17072/2078-7898/2022-1-78-90

**КОМУ НУЖНА СЕГОДНЯ ЭТА ФИЛОСОФИЯ?
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. ПОЧЕМУ СУЩЕСТВУЕТ СОМНЕНИЕ
В НЕОБХОДИМОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ
В ВУЗАХ РОССИИ***Мусаелян Лева Асканазович**Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)*

Культура есть синтетическая характеристика уровня развития человеческой сущности, проявляющаяся в деятельности человека и результатах этой деятельности, к коим относится и философия. Но философия не «рядовой» компонент культуры, это «квинтэссенция человеческой культуры» (Маркс). Сложность в понимании человека как универсального социального существа и многогранность его деятельности являются факторами, определяющими дискуссии в трактовке сущности философии, ее задач, функций и роли в общественной жизни. Философия, по известному определению Гегеля, есть эпоха, выраженная в мыслях. Чтобы познать эпоху или конкретное общество, необходимо изучить и понять его философию, поскольку она является индикатором состояния существующей социальной реальности. Исторический процесс является выражением развивающейся человеческой сущности, проявляющейся и в развитии самой философии. Однако этот процесс имеет противоречивый, неоднородный характер, где мощные подъемы чередуются с кризисами, дающими о себе знать и в самой философии. Но состояние последней не является простым зеркальным отражением характера процессов, происходящих в социальной реальности. Здесь, как свидетельствует история, существует взаимная обусловленность. Философия может способствовать углублению кризисных тенденций в общественной жизни, но может и помочь вывести общество из глубокого кризиса и даже изменить вектор его исторического движения.

Ключевые слова: философия и социальная реальность, кризис цивилизации, интеллектуальный кризис современного общества, деперсонализация человека, десубъективизация социальных индивидов, постмодернизм.

**WHO NEEDS THIS PHILOSOPHY TODAY?
PART 1. WHY THERE IS SOME DOUBT ABOUT THE NEED
TO TEACH PHILOSOPHY IN RUSSIAN UNIVERSITIES***Lyeva A. Musayelyan**Perm State University (Perm)*

Culture is a synthetic characteristic of the level of development of human essence, manifested in human activity and the results of this activity, which include philosophy. However, philosophy is not an «ordinary» component of culture, it is «the quintessence of human culture» (Marx). The complexity of understanding a person as a universal social being and the versatility of his activities are the factors that determine the dis-

cussions in the interpretation of the essence of philosophy, its tasks, functions, and role in public life. According to the well-known definition of Hegel, philosophy is an epoch expressed in thoughts. To know an era or a particular society, it is necessary to study and understand their philosophy since it is an indicator of the state the existing social reality is in. The historical process is an expression of the developing human essence, which is also manifested in the development of philosophy itself. However, this process is of a contradictory, heterogeneous character, with powerful upsurges alternating with crises, which are also felt in philosophy itself. On the other hand, the state of philosophy is not a simple mirror reflection of the nature of the processes taking place in social reality. Here, as history shows, there is a mutual conditioning. Philosophy can contribute to the deepening of crisis tendencies in public life, but it can also help bring society out of a deep crisis and even change the vector of its historical movement.

Keywords: philosophy and social reality, crisis of civilization, intellectual crisis of modern society, human depersonalization, desubjectivization of social individuals, postmodernism.

Введение

Трудно найти другую такую дисциплину, которая с самого начала своего возникновения и на протяжении почти трехтысячелетней истории породила бы столько же вопросов, критических оценок, насмешек, анекдотов, как философия. Споры о том, что это такое, кто такие философы, чем они занимаются, какая польза от них, и нужны ли они обществу, фактически никогда не прекращались. Вопросы эти возникли и возникают не только у сторонних наблюдателей, но и у тех, кто занимается тем, что именуется ими философией. Начиная с Античности (Пифагор) каждая новая историческая эпоха в развитии философии и новые течения в ней ставили вопрос, что есть философия, каков ее предмет, задачи, роль в обществе и жизни человека. Учитывая этот непреложный факт, Т.И. Ойзерман справедливо относил вопрос «что такое философия» к числу основных философских вопросов. По мнению ученого, самовопрошание о своей собственной сущности, предмете предназначения является одним из существенных отличительных признаков философии [Ойзерман Т.И., 1982, с. 51].

Надо ли преподавать философию в учебных заведениях, если не понятно, что это такое, и не определен ее научный статус

Нерешенность проблемы, что такое философия, каково ее предназначение и какая польза от нее для общества, порождает сомнение в целесообразности преподавания этой дисциплины в вузах. Этот скептицизм значительно усилился, когда аналитики задались вопросом: «А является ли философия наукой?» Тема научности философии активно обсуждалась у нас в стране в конце 80-х и начале 90-х гг. прошлого столетия.

Само время, когда дискутировалась эта проблема, свидетельствует о том, что она имела не только теоретическое значение. Споры были инициированы известным советским и российским философом А.Л. Никифоровым, который в ряде своих работ довольно резко обозначил неявно существующую в общественном сознании точку зрения, что философию нельзя считать наукой [Никифоров А.Л., 1989]. Она отличается от последней по предмету познания, методам исследования и способу верификации полученных знаний. Многочисленные отклики на статью А.Л. Никифорова были опубликованы в номерах журнала «Философские науки» [Отклики на статью..., 1989, 1990a, 1990b, 1990c].

Подробный анализ теоретических споров тридцатилетней давности не входит в задачу данной публикации, тем более что автор этих строк имел возможность изложить свою точку зрения по этому вопросу [Мусаелян Л.А., 2000]. Поэтому представляется лишь необходимым отметить, что тогда большинство участников дискуссии не были согласны с противопоставлением философии и науки. Тем не менее проблема научного статуса философии остается до сих пор дискуссионной. Это и понятно, если отсутствует общепринятое определение философии и нет согласия в понимании науки, как можно провести демаркацию между ними и утверждать, что философия не есть наука [Отклики на статью..., 1990b, с. 70–71]. Точно также, видимо, нельзя доказать научность философии на основе экстраполяции отдельных признаков конкретного естественнонаучного знания на философию хотя бы потому, что наука не сводится исключительно к естествознанию. В этой связи можно согласиться с мнением акад. Т.И. Ойзермана, что

проблема, является ли философия наукой, оказывается одним из вариантов вопроса «что такое философия» [Ойзерман Т.И., 1982, с. 56].

Дискуссии о научном статусе философии во времени совпали с нарастающим социально-экономическим, политическим и духовным кризисом Советского Союза. Скептицизм в понимании научного статуса философии был прежде всего ориентирован в адрес марксистской философии, которая формально являлась идеологией и мировоззрением советского общества. Отсюда и сомнения в целесообразности преподавания философии в вузах страны. Наиболее отчетливо артикулировал эту точку зрения известный советский философ М.К. Мамардашвили, который видел в философии «средство пропагандистской апологии существующего положения дел в нашем обществе» [Мамардашвили М.К., 1992а, с. 27]. По мнению автора, природа философии такова, что невозможно (и, более того, должно быть запрещено) обязательное преподавание философии будущим химикам, физикам, инженерам в высших учебных заведениях. Ведь философия не представляет собой системы знаний, которую можно было бы передавать другим и тем самым обучить их [Мамардашвили М.К., 1992б, с. 14]. Философия, утверждает Мамардашвили, это всегда некий внутренний акт сознания, который вспыхивает, опосредуя собой другие действия [Мамардашвили М.К., 1992б, с. 14].

Позиция известного грузинского философа объяснима. Большой любитель И. Канта, он довел до логического конца точку зрения немецкого мыслителя о природе и предназначении философии. По мнению М.К. Мамардашвили, немыслим учебник по философии и истории философии. С его точки зрения, преподавание философии на нефилософских факультетах имеет задачу формирования у студентов некоторого единомыслия, клишированного мышления, далекого от природы философии, которая, будучи актом сознания, мышления, имеет субъективный, поливариантный характер [Мамардашвили М.К., 1992б, с. 25].

Идею о поливариативности и субъективности философии обосновывали и некоторые участники дискуссии о научном статусе философии [Отклики на статью..., 1990б, с. 65–66, 68–70]. Такой взгляд на философию существует и в современной литературе. Конечно, нельзя

отрицать, что философия существует благодаря творческой деятельности конкретных мыслителей. Но сводится ли она исключительно к учениям отдельных философов? Думается, что нет. Здесь уместно привести соображения акад. Т.И. Ойзермана. Как считал ученый, нетрудно ответить на вопрос, что такое философия Шеллинга, Ницше, Сартра, потому что их содержание может быть строго фиксировано. «Между тем, чтобы ответить на вопрос, “что такое философия?”, необходимо отвлечься от того, что отличает Шеллинга, Ницше, Сартра и многих других философов друг от друга. Но что остается после такого отвлечения, исключаящего отличие одной философии от другой? Абстрактное тождество? Но оно лишь момент конкретного тождества, существенность которого находится в прямом отношении к существенности заключающегося в нем различия» [Ойзерман Т.И., 1982, с. 49]. На наш взгляд, даже историю философии нельзя представлять как череду сменяющихся друг друга и конкурирующих друг с другом философских учений. Дело не только в том, что между ними существует определенная филиация идей, определяющая логику развития философии, но и в том, что сами эти концепции обусловлены социально-политической реальностью и интеллектуальным фоном, существующим в обществе. И то и другое явно и неявно отражается в философии.

Философия и изменяющаяся социально-политическая реальность

Из вышеизложенного следует, что понять смысл философских учений вне контекста существующей социально-политической реальности и интеллектуального фона очень сложно, если вообще возможно. В качестве примера можно привести предельно абстрактное учение Гегеля. Известно, что его диалектика была навеяна Великой Французской революцией и достижениями европейского естествознания XVIII в. Конечно, прав Гегель, определивший философию как эпоху, выраженную в мыслях. И в этом контексте философия не есть отдельное учение конкретного мыслителя и даже не множество подобных учений, в разных аспектах отражающих эпоху, а нечто общее, которое присутствует в этих различных учениях, объ-

единая их по своим существенным основаниям, о чем писал Т.И. Ойзерман.

В то же время сама философия так или иначе влияет на существующую реальность и без учета этого влияния невозможно адекватно понять и объективно оценить ее значение в истории человечества. В качестве примера можно привести учение Маркса, которое не только оказало большое влияние на последующее развитие общественнознания, но и определило ход исторических событий в XX в. Чем было бы учение Маркса без этого влияния? Очередной концепцией одного из глубоких немецких мыслителей XIX в., которых, вне сомнения, было немало.

Необходимо отметить, что скептическое отношение к философии в нашей стране имеет давнюю историю. Исключением разве что, но с определенными оговорками, можно считать советский период, когда философия официально признавалась мировоззрением и вместе с другими общественными науками выступала в качестве идеологии государства.

Общезвестно, что формирование древнерусского этноса произошло относительно поздно и почти совпало с принятием христианства. Вскоре после крещения Руси происходит раскол христианства, который фактически не преодолен до сих пор. Безусловно, в годы лихолетий Русская православная церковь выполняла консолидирующую и мобилизующую роль в обществе. Но вместе с тем она активно противодействовала проникновению в страну иной, особенно западной, культуры, которая после раскола христианства, однозначно оценивалась как враждебная. Такое же отношение Русской православной церкви было и к философии как феномену западной культуры. Играв на протяжении тысячи лет определяющую роль в духовной жизни страны, церковь формировала в обществе «гадливо-боязливое» (В. Ключевский) отношение к философии, поскольку она рассматривалась как источник вольнодумства и возможной смуты. Желая оградить российскую молодежь от «обольстительного мудрствования» западных философских систем, царское правительство в середине XIX в. закрыло во всех университетах страны (за исключением Дерптского) философские факультеты и кафедры философии [Малинов А.В., Троицкий С.А., 2013]. Отношение официальной власти страны

к философии выразил министр народного просвещения, князь П.А. Ширинский-Шихматов известной фразой: «польза философии не доказана, а вред от нее возможен» [Никитенко А.В., 1955, с. 334]. Крайне негативно воспринимала власть классическую немецкую философию, в особенности материализм Л. Фейербаха. Преподавание философии дозволялось лишь в духовных учебных заведениях, где изучение этой дисциплины было подчинено Откровению. В университетах разрешалось изучать логику и педагогику, а преподавание этих дисциплин поручалось духовным лицам [Никитенко А.В., 1955, с. 334]. Свидетель этих решений крупный чиновник министерства просвещения А.В. Никитенко, благодаря которому и получила известность крылатая фраза российского министра, запишет в своем дневнике: «Общество быстро погружается в варварство: спасай, кто может, свою душу!» [Никитенко А.В., 1955, с. 336]. Автор афористически назовет эту эпоху «помрачением». Вследствие указанных причин в России не было Возрождения, Реформации, Просвещения и полноценного модерна, что и определило заметное наше отставание по уровню развития философской культуры от Запада [Межуев В.И., 2018].

Итак, если М.К. Мамардашвили аргументировал запрет на преподавание философии тем, что она порождает репродуктивное, клишированное мышление, мотивы решения Николая I определялись пониманием противоположных последствий изучения философии.

В последующие годы, в начале XX в., после Октябрьской революции философский маятник качнулся в противоположную сторону. Марксизм был провозглашен единственно научным мировоззрением и государственной идеологией страны. Монополизация духовной жизни общества сопровождалась гонениями духовенства и зачисткой социального пространства от открытых оппонентов большевиков и марксистской философии [Главацкий М.Е. 2002; Лившиц Р.Л., 2020]. «Стерилизация» социального пространства, в котором существовала марксистская философия, изъятие из вузовских программ по философии работ русских религиозных мыслителей, а также отечественных и зарубежных обществоведов, критикующих марксизм или придерживающихся иных воззрений, безусловно, обедняло духовную жизнь обще-

ства, способствовало догматизации советской версии марксистской философии, негативно сказавшись на ее творческом потенциале и концептуальном иммунитете, что со всей очевидностью проявилось в конце 80-х и начале 90-х гг. прошлого века.

Необходимо отметить, что философия в той мере, в какой она изучает общество и социальные процессы, затрагивает интересы людей, так или иначе выполняет идеологическую функцию. Но даже при всех стараниях властей философия не может всецело превратиться в идеологию. При всех издержках прагматического подхода властей к философии она впервые в истории нашей страны обрела социально значимый статус. Осознание социальной востребованности философии, как нам представляется, было немаловажным фактором достаточно успешной работы советских философов, особенно второй половины XX в. О впечатляющих интеллектуальных достижениях советской философии писали и зарубежные исследователи. «По универсальности и степени разработанности диалектико-материалистическое объяснение природы не имеет равных среди современных систем мысли», отмечал профессор Массачусетского технологического института Л.Р. Грэхэм [Грэхэм Л.Р., 1991, с. 415]. Эта оценка представляется важной, поскольку американский аналитик достаточно подробно исследовал функцию философии в ее связи с развитием естествознания и психологии в СССР. Автор этих строк встречался с американским ученым. Из беседы с ним можно было сделать вывод, что профессор Грэхэм очень хорошо осведомлен о достижениях и проблемах советской философии и естествознания. «Как система мысли, — писал ученый, — диалектический материализм не обладает сиюминутной утилитарной ценностью для ученых-исследователей, более того, перейдя в догму, он в нескольких случаях был серьезной помехой для них, хотя в других косвенно имел положительные эффекты, но все равно он имеет очень важное образовательное и эвристическое значение» [Грэхэм Л.Р., 1991, с. 415].

Углубляющийся кризис общества в конце 80-х быстро перерос в драматические события начала 90-х гг., следствием которых были радикальные изменения всех сфер общественной жизни. Философский маятник в стране в оче-

редной раз качнулся в противоположную сторону. Официально признанное ранее научное мировоззрение перестало быть духовным устоем общества. Сохранить материализм, который через пропагандистские шоры позволял бы разглядеть сущность происходящего, — этого новая элита России не могла допустить. Поэтому наследие прошлого тоталитарного режима не могло не быть подвергнуто массивной атаке. Тем более что был недвусмысленный призыв Б.Н. Ельцина «разобраться, что они там на этих кафедрах преподают». Призыв Президента не был проигнорирован сервильной интеллигенцией, которая тут же вспомнила лозунг Вольтера. Элиминация научного материализма из общественного сознания страны чаще всего происходила не на основе серьезного критического анализа, а способом его вульгаризации и наклеивания политических ярлыков. Марксистская философия трактовалась как теоретическая основа советской модели социализма, которая ассоциировалась с тоталитаризмом, ГУЛАГом, беззаконием, нищетой и т.д. Проглотить идеологом тоталитаризма, а тем более ГУЛАГа, никто не хотел. Поэтому в конце 80-х началось активное мировоззренческое «линяние» бывших марксистов. В начале 90-х бегство обществоведов от марксизма приобрело массовый характер. В общественном сознании возник мировоззренческий вакуум, который стал заполняться религией. Именно в это время все явственнее стали звучать призывы отменить преподавание философии в вузах и заменить ее теологией [Лекторский В.А., 2017, с. 141]. Понятно, что эта идея активно поддерживалась и лоббировалась во властных структурах иерархами Русской православной церкви.

Интеллектуальный кризис как выражение кризиса общества

В настоящее время для сомнения в необходимости преподавания философии в вузах видятся две причины. Одна связана с состоянием философии, другая — высшего образования в России. Рассмотрим их вкратце.

Человечество в XX в. испытало три глобальных кризиса: один в начале века, другой в сороковые годы, третий в конце прошлого столетия. Если философия есть эпоха, выраженная в мыслях, кризисы цивилизации не могли не получить отражение в мировой философии.

«Платой» западной (немарксистской) философии за выход из мирового кризиса стало «мельчание» философской тематики, отказ от мировоззренческих проблем, идеи исторического прогресса, тяга к иррационализму, гносеологическому релятивизму, агностицизму и т.д. Указанные тенденции усиливались в течение всего прошлого столетия. Известный немецкий мыслитель Дитрих фон Гильдебранд, оценивая состояние современной философии, указывает на жалкую роль, которую ей отводят сами философы, превращая ее в «служанку науки». Они, по мнению ученого, элиминировали из нее собственно философскую проблематику, сведя ее к проблемам естественных наук. Представители позитивизма, релятивизма и других течений, отмечает Гильдебранд, уважают любую науку, но отрицают объективную реальность, отказываются от методов философского познания и в то же время считают себя философами [Гильдебранд Д. фон, 1997, с. 6]. Учитывая проблематику и методы исследования, которые возникли в философии в результате кризиса цивилизации, ученик Гуссерля приходит к выводу: «Логический позитивизм, семантика и другие формы современного позитивизма, а также и бихевиоризм — это не какие-то ложные философии, это вообще не философия. Свой метод они заимствуют из естественных наук. Нормы верификации, имеющие силу для отдельных наук, не могут механически переноситься на решение философских вопросов» [Гильдебранд Д. фон, 1997, с. 9]. По мнению Гильдебранда, одна из причин дискредитации философии современными профессорами философии — в отсутствии у них философского взгляда на действительность. Ученый называет представителей современных течений могильщиками философии, поскольку они не решают философских вопросов и произвольными умозрительными построениями преграждают постижение истины.

Необходимо отметить, что негативные тенденции, возникшие в мировой философии в первой половине прошлого века значительно укрепились и развились в результате последующих кризисов цивилизации и формирования глобального неоллиберального капитализма, социальной базой которого является потребительское, атомизированное общество, состоящее в своей массе из «частичных» (Маркс) ин-

дивидов (*homo economicus*) [Мусаелян Л.А., 2016]. Состояние современной философии является выражением глубокого кризиса буржуазного общества. Поэтому далеко не случайно то, что оценка многих известных российских исследователей состояния современной мировой и особенно российской философии совпадает с мнением немецкого мыслителя [Гобозов И.А., 2005, 2010; Каменский З.А., 1995; Миронов В.В., 2005]. С точки зрения И. А. Гобозова, тенденции, сложившиеся в философии в конце XX – начале XXI в., свидетельствуют об интеллектуальном кризисе современного общества. Это проявляется в «отсутствии в наше время великих мыслителей, великих ученых, чьи идеи могли бы охватить массы и помогли бы им избавиться от мещанства, от хрематистики, то есть от чрезмерного стремления к материальному богатству, от моральной и духовной деградации» [Гобозов И.А., 2010, с. 5]. «Постклассическая философия, — отмечает В.М. Межуев, — утратила роль главного “властителя дум” своего времени, уступив ее тем, кто далек от всякой философии» [Межуев В.И., 2017]. Иными словами, речь идет о том, что философия перестала выполнять одно из своих важных общественных предназначений, ради которого она возникла и существовала в течение тысячелетий. Причина, по которой современная философия потеряла собственную сущность, — это дальнейшее дистанцирование от традиций классической философии.

Постмодернизм как отражение обыденной повседневности современной больной цивилизации

Указанная выше тенденция рельефно проявилась в постмодернизме, ставшем модным увлечением для многих молодых (и не очень) преподавателей вузов России. Как отмечается в аналитике, постмодернизм ужесточил критику рационализма и базовых принципов классической философии. Представители этого течения (Ж. Бодрийяр, Ф. Гваттари, Ж. Делёз и другие) подвергли сомнению возможности разума в познании объективной действительности, отвергли существование истины и детерминизма, научного и социального прогресса. Показательны в этом отношении известные работы Ж. Бодрийяра «Симулякры и симуляции» и

Ж. Делёза «Различие и повторение». Авторы отстаивают релятивизм в морали, гносеологии, истории, мировоззрении, по существу во многом воспроизведя точку зрения нигилиста Ф. Ницше. Если различные течения позитивизма в первой половине XX в. возвеличивали науку и недооценивали философию, растворяя ее предмет в проблематике естествознания, то постмодернизм, обосновывая условность границы между научным фактом и вымыслом, истиной и ложью, высокой наукой и обыденным наблюдением, сбросил с пьедестала саму науку.

Гильдебранд отказал в статусе философии различным течениям позитивизма из-за того, что они используют методы частных наук, а не философии. Постмодернизм при описании реальности применяет методы, заимствованные из психоанализа, психиатрии, искусства, литературы, архитектуры, лингвистики, политологии и других дисциплин. Вместо устоявшихся категорий классической философии они вводят новые понятия и термины, заимствованные из разных наук без учета их значения и всякой логики [Сокал А., Брикмон Ж., 2002]. Вследствие этого они приобретают трудноопределяемый смысл [Деррида Ж., 1992]. Отмеченные особенности творчества постмодернистов затрудняют определение их жанра, хотя авторы позиционируют себя в качестве философов. Но философия, как подметил Гегель, есть эпоха, выраженная в мыслях. Постмодернизм как тенденция в культурной практике и самосознании современных стран есть выражение глубокого системного кризиса глобального неолиберального капитализма. Это эпоха паразитического капитализма, при котором делание денег при помощи денег, дерривативов и иных заменителей («симулякров») ценностей стало определяющим в общественной жизни. Это привело к маргинализации общественного, особенно материального, производства и материального труда. Отражением этих процессов стала деонтологизация [общественного] бытия, начатая Хайдеггером и подхваченная постмодернистами, превратившими язык — репрезент и инструмент социальной реальности — в единственную реальность. По мнению Р. Рорти, не существует верного понимания мира или бытия. Не может быть верного понимания отдельных вещей, к примеру, конституционного правления или движения планет, которые определяются языковыми играми, а они у каждого

философа свои [Рорти Р. и др., 2008]. Как отмечают авторы книги «Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна» А. Сокал, Ж. Брикмон, использование постмодернистами различных научных (или кажущихся научными) терминов имеет цель поразить, смутить неподготовленного читателя, продемонстрировать свою эрудированность (ложную). (Заметим, эрудированность автора работы, как правило, вызывает уважение и доверие читателя.) Если к этому добавить еще уверенность их суждений, то становится понятно, в чем секрет такой популярности постмодернистов у молодых философов в Европе и особенно в США. Однако, как отмечают А. Сокал и Ж. Брикмон, уверенность постмодернистов не основывается на их профессиональной компетенции в области естественных наук, математики, откуда они заимствуют различные термины и понятия, не задумываясь об их значении [Сокал А., Брикмон Ж., 2002]. По свидетельству С.П. Капицы, постмодернизм на Западе получил характеристику «эстетствующего иррационализма» [Капица С.П., 2002]. Постмодернизм нельзя понять и тем более объяснить вне той социально-экономической реальности, которая возникла на Западе во второй половине XX в.

Свободные рыночные отношения всегда воспевали идеологи буржуазного общества, поскольку они дают формальную возможность активным деятельным людям самореализовываться. Между тем свободные рыночные отношения — это социальная реальность, где, как отмечал Маркс, все обменивается на деньги и самореализация человека возможна лишь как акт продажи своих сущностных сил, энергии, талантов. Другими словами, это означает, что «всеобщая проституция выступает как необходимая фаза развития общественного характера личных задатков, потенций, способностей, деятельностей. Выражаясь более вежливо: всеобщее отношение полезности и годности для употребления» [Маркс К., 1968, с. 144]. Поэтому отношение человека не только к природе, но и к другим людям строится как к средству удовлетворения своих потребностей и не более. Отсюда и дегуманизация всех сфер общественной жизни, деградация и примитивизация культуры, девальвация социальных норм и ценностей [Гобозов И.А., 2009].

Для современной эпохи характерны динамика общественной жизни, быстрая смена потребностей, возрастание конкуренции на рынке труда. Эти тенденции меняют человека, способствуют его деперсонализации. Чтобы сохранить на себя постоянный спрос на рынке труда, человек должен все время меняться. «Личность с рыночным характером, — писал Э. Фромм, — по сравнению, скажем, с людьми XIX в. не имеет даже собственного “Я”, на которое они могли бы опереться, ибо их “Я” постоянно меняется в соответствии с принципом “Я такой, какой я вам нужен”» [Фромм Э., 2000, с. 367]. Поэтому кризис современного общества, — отмечает философ, — это кризис идентичности [Фромм Э., 2000, с. 368]. «Человек эпохи постмодерна, — отмечает И. А. Гобозов, — это массовый человек, характерной чертой которого является полная потеря своей индивидуальности» [Гобозов И.А., 2010, с. 16]. В центре внимания постмодернистов — общество, состоящее из людей лишенных своей индивидуальности и оригинальности. Подобную социальную реальность Ж. Бодрийяр называет массой. «Масса, — пишет философ, — выступает характеристикой нашей современности... Масса не обладает ни атрибутами, ни предикатами, ни качеством, ни референцией. Именно в этом состоит ее определенность или радикальная неопределенность... Ее “социологическое определение” это “бесконечная сумма равнозначных индивидов 1+1+1”». Масса — это “восхитительный союз тех, кому нечего сказать и которые не говорят”» [Бодрийяр Ж., 2000]. По мысли французского философа, масса — это «молчаливое большинство», сфера проявления которой симуляция в пространстве, где социальное уже отсутствует [Бодрийяр Ж., 2000].

Чтение цитируемой работы Ж. Бодрийяра, как и произведений других авторов, кажется, дает основание для вывода, что постмодернизм есть рефлексия современного атомизированного, манипулируемого общества. Касаясь этого вопроса, И.А. Гобозов отмечает, что постмодернизм есть шаг назад в философской рефлексии [Гобозов И.А., 2010, с. 15]. В самом деле, серьезный глубокий анализ современного кризисного мира и человека не является задачей этой философии. Да и та методология, которая применяется постмодернистами, не позволяла бы им решать подобную задачу, если бы даже ими она ставилась. Дистанцируясь от традиций

классической философии, постмодернизм избегает целостного, системного анализа социальной реальности. Метод и стиль постмодернистов — фрагментарное описание действительности. В фокусе их внимания чаще всего оказываются маргинальные, а не социально значимые, сущностные тенденции общественной жизни, для изучения которых традиционно применяются рациональные методы познания. Скажем, предметом исследования постмодернистов оказывается отношение капитализма к шизофрении, бред шизофреника, объявленного всемирно-историческим [Делёз Ж., Гваттари Ф., 2004, с. 35]. По признанию Ф. Гваттари, он «всегда был влюблен в шизофреников, увлекался ими». «Шизоидный дискурс» сформировал его как философа [Делёз Ж., Гваттари Ф., 2004, с. 27–28]. Шизоанализ в центре внимания и Ж. Делёза, которому он противопоставляет психоанализ [Делёз Ж., Гваттари Ф., 2004, с. 35]. Даже если не отрицать необходимости изучения указанных проблем, остается все же вопрос, а являются ли они философскими проблемами? А ведь постмодернисты позиционируют себя в качестве философов.

По мнению Ж. Делёза, использование абстракций для исследования истоков и первоначал — это возврат к эпохе модерна и усугубление кризиса философии. Проблему первоначал философия давно преодолела. Сама рефлексия о вечном, по мысли автора, блокирует движение философии. «Философия, согласно Делёзу, не является коммуникацией, как не является она ни созерцанием, ни рефлексией: она представляет собой творчество, и даже революционное по своей природе, так как она постоянно создает новые концепты» [Делёз Ж., 2004, с. 177]. Философия — дисциплина, состоящая в творчестве концептов, а сам философ — творец [Делёз Ж., Гваттари Ф., 1998, с. 32]. Чтобы соответствовать подлинным проблемам, творимые концепты должны быть необычными, странными, парадоксальными и не сводиться к простому мнению, сообщению, обсуждению [Делёз Ж., 2004, с. 178]. Трактовка концепта, даваемая Делёзом и Гваттари, безусловно, отвечает этим требованиям необычности и странности. «Концепт определяется как неразделимость конечного числа разнородных составляющих, пробегаемых некоторой точкой в состоянии абсолютного парения с бесконечной скоростью» [Делёз Ж., Гваттари Ф., 2004, с. 32]. Постмодернизм довел до ло-

гического завершения заложенную позитивизмом и особенно неопозитивизмом (лингвистической философией) тенденцию освобождения философии от собственно философской проблематики, превратив язык в единственную реальность, с которой может иметь дело философ. Как пишет Делёз, великие философы являются великими стилистами. «Стиль в философии — это движение концепта... Стиль — это вклад в изменение языка, в модуляцию, а также в напряжение всего языка по отношению к внешнему» [Делёз Ж., 2004, с. 183]. По мнению автора, чтобы придать жизнь концептам, язык должен быть гетерогенным, лишенным равновесия, позволяющим из особенностей самого языка видеть сущность, о которой мы и не догадываемся. Движение концептов, как отмечает Делёз, не отличается последовательностью, их неправильные очертания не соответствуют друг другу, и как фрагментарные целые они не являются деталями целостной мозаики. Иначе говоря, движение концептов не подчиняется логике. «В философии все, — отмечает Делёз, — как в романе: здесь следует спрашивать, “что же будет?”, “что произошло?”. Только персонажами являются концепты...» [Делёз Ж., 2004, с. 183]. Поэтому чтение работ постмодернистов оставляет ощущение, что это поток сознания (такую же характеристику дает и сам Делёз), объективированного в наборе понятий, терминов, слов, не всегда оформленных в виде завершенных суждений, имеющих понятный смысл. К тому же в работах часто отсутствует единая логика повествования.

Поэтому было бы правильным сказать, что читаемые тексты — это поток «скачущего сознания», в котором трудно уловить идею работы. Даже для подготовленного читателя становится актуальным выявление смысла не только всей работы, но и ее фрагмента, который вследствие особенностей языка явно не выражен. Читая труды постмодернистов, невольно вспоминаются мудрые замечания академика Д.С. Лихачева. «...Язык научной работы, — писал известный ученый, — не замечается читателем. Читатель должен замечать только мысль, но не язык, каким мысль выражена» [Лихачев Д.С., 2018, с. 356]. Но вот вопрос, можно ли считать творчество концептов постмодернистами образцом научной работы, если они фактически отрицают связь языка и мысли. Постмодернизм не признает классической референциальной теории знака, согласно которой

знаку (понятию, термину, слову) в предметном мире соответствует денотат, а значение знака, выражающее отношение знака к обозначаемому предмету (денотату) в сознании субъекта, выступает как мысль или, иначе, как смысл знака [Губанов Н.И., 2007, с. 55]. Отрицание обязательной связи языковых знаков с обозначаемым предметным миром лишает язык своей собственной сущности, ибо отрицаются основополагающие функции языка — экспрессивная, номинативная, коммуникативная. Язык превращается в систему графических знаков представленных в тексте.

Отрицание постмодернистами обязательной референции между знаком и предметом является основанием признавать полисемантическую знака и в целом текста. Истина объявляется устаревшим понятием прежней философии. Любая интерпретация текста, любая точка зрения становится равновероятной. Такая позиция объясняет особенность понимания постмодернистами познавательной функции философии. Творческая деятельность философа по созданию различных концептов вовсе не означает получения новых более глубоких или полных знаний о действительности. «В философии, — утверждает Ж. Делёз, — мы отказались от принципа “прогрессивного развития знаний”: один и тот же курс адресуется студентам как первого, так и любого другого года, студентам и не студентам, философам и не философам...» [Делёз Ж., 2004, с. 181]. Дело в том, что эта философия не прибавляет человеку новых знаний, не делает его мудрее. К подобному выводу приходят и российские поклонники постмодернизма. Так, одна из них после прочтения книги Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Что такое философия?» пишет: «Если бы меня спросили, хорошая ли это книга, я бы ответила, что, безусловно, хорошая. Но если бы меня спросили, знаю ли я теперь, что такое философия, или, по крайней мере, знаю ли в большей мере, чем раньше, я бы ответила, что знаю не в большей мере, чем раньше. В чем же тогда ценность предлагаемой книги знаменитых авторов “Капитализма и шизофрении”, разработавших столь привлекательный для многих отечественных философов и деятелей искусства шизоанализ? Пожалуй, основная ее ценность состоит в том, что эта книга производит впечатление современного философского сочинения, хотя

написана она восемь лет назад в 1991 году и авторы ее умерли» [Бубенцова К., 1998, с. 4].

Несомненно, постмодернизм одно из современных течений философии, но, как отмечается в аналитике, это отнюдь не магистральное ее направление, а побочная нисходящая ее ветвь, выражающая кризисные тенденции мировой философии [Губанов Н.И., 2007, с. 65]. Хотя постмодернисты отрицают рефлексивную функцию философии, было бы ошибкой не видеть связи между тем, что они пишут, и существующей социальной реальностью. Отрицание принципиальной разницы между ложью и истиной, симулятивной реальностью и самой социальной действительностью не есть результат больной фантазии постмодернистов, а обыденность современной больной цивилизации. Ложь, тиражируемая в тысячах СМИ, распространяемая ведущими информационными агентствами и социальными сетями, выдается за бесспорную истину. Постановочные виртуальные преступления (отравления, убийства) однозначно трактуются как реальные события для санкционирования и оправдания планируемых реальных преступлений. «Настала эпоха убийств на основе симуляции всеобъемлющей эстетики симуляции, — отмечает Ж. Бодрийяр, — убийства алиби — аллегорического воскрешения смерти, которая служила лишь для того, чтобы санкционировать институт власти, не имеющей без этого ни субстанции, ни автономной реальности» [Бодрийяр Ж., 2015, с. 50]. Поборники обмана и планируемых преступлений чаще всего выступают под личиной защитников правды, добра, справедливости. Пересмотр традиционных институтов брака и семьи, половой идентификации людей, граней между добром и злом, высоким искусством и тем, что искусством не является по определению, но называется таковым, это реальность современной западной цивилизации.

Значение постмодернизма заключается в том, что он заострил внимание на этих проблемах общественной жизни, являющихся симптомами глубокого кризиса современной капиталистической цивилизации. Однако отобразить посредством специфического языка кризисные тенденции социума — это даже не полдела. Ценность философии не только и не столько в этом, а в ее способности выявить причины возникновения в общественной жизни негативных тенденций и разработать способы их преодоления. На долю

философии приходится также научное обоснование пути последующего движения общества. Это принципиально важно, поскольку люди сами делают свою историю. Но постмодернизм не в состоянии выполнить эти социально значимые функции философии, реализация которых была определяющим фактором ее возникновения и почти трехтысячелетнего существования. Философия, согласно постмодернистам, не может вывести общество из кризиса, ибо «хаосу жизни» нельзя навязать никакую теорию [Ратников В.П., 2001]. Общество есть сложная, постоянно изменяющаяся система, а представители этого течения не признают системного метода исследования, отрицают причинно-следственные связи, каузальность. Определяя свою цель как творчество концептов, постмодернизм занимается языковыми играми, редуцирует реальный мир к миру смыслов и превращает философию в «толкование толкований» [Момджян К.Х., 2021]. Современный научный анализ кризисной социальной реальности заменяется интерпретациями текстов, а замысловатые рассуждения имитируют научную мыслительную деятельность. Но где могут быть использованы результаты такого творчества, если еще учесть, что, с точки зрения постмодернистов, знания лишены объективности? В этой связи вполне понятен вопрос профессора И.А. Гобозова — кому нужна такая философия?!

Список литературы

Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 96 с.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Изд. дом «Постум», 2015. 240 с.

Бубенцова К. Философия как практика создания концептов // Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. С. 4–5.

Гильдебранд Д. фон. Что такое философия? СПб.: Алетейя, 1997. 373 с.

Главацкий М.Е. «Философский пароход»: год 1922-й. Историографические этюды. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 224 с.

Гобозов И.А. Глобализация и примитивизация общества // Философия и общество. 2009. № 2(54). С. 5–19.

Гобозов И.А. Интеллектуальный кризис общества // Философия и общество. 2010. № 3(59). С. 5–21.

Гобозов И.А. Куда катится философия?! От поиска истины к постмодернистскому трепу. М.: Издатель Савин С.А., 2005. 202 с.

Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991. 480 с.

Губанов Н.И. Ницета философии постмодернизма // Философия и общество. 2007. № 1(45). С. 54–68.

Делёз Ж. О философии // Делёз Ж. Переговоры. 1972–1990. СПб.: Наука, 2004. С. 176–202.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Беседа об «Анти-Эдипе» // Делёз Ж. Переговоры. 1972–1990. СПб.: Наука, 2004. С. 25–40.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.

Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 53–57.

Каменский З.А. Философия как наука: классическая традиция и современные споры. М.: Наука, 1995. 175 с.

Катица С.П. Предисловие к переводу книги «Интеллектуальные уловки» Алана Сокала и Жана Брикмона // Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М.: Дом интеллект. книги, 2002. С. 6–8.

Лекторский В.А. Зачем нужна сегодня философия // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 140–143.

Лившиц Р.Л. Философский урок «Философского парохода» // Новые идеи в философии. 2020. Вып. 7(28). С. 207–216.

Лихачев Д.С. Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет. СПб.: Азбука, 2018. 448 с.

Малинов А.В., Троцкий С.А. Русская философия под запретом (к 90-летию «философского парохода») // Новое литературное обозрение. 2013. № 1(119). С. 53–66.

Мамардашвили М.К. Быть философом — это судьба // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. 2-е изд., изм. и доп. М.: Прогресс; Культура, 1992. С. 27–40.

Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. 2-е изд., изм. и доп. М.: Прогресс; Культура, 1992. С. 14–26.

Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1968. Т. 46, ч. 1. С. 3–510.

Межуев В.И. Философия в современной культуре // Философский журнал. 2008. № 1. С. 14–23.

Межуев В.И. Философия как идеология // Философский журнал. 2017. Т. 10, № 4. С. 171–180. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2017-10-4-171-180>

Мионов В.В. Философия и метаморфозы культуры. М.: Современ. тетради, 2005. 424 с.

Момджян К.Х. Возвращаясь к поиску истин: еще раз о состоянии современной социальной философии // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 29–41. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-2-29-41>

Мусаелян Л.А. Исторический процесс и глобализация / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2016. 128 с.

Мусаелян Л.А. К вопросу о научности философии // Новые идеи в философии: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2000. Вып. 9. С. 196–205.

Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. Т. 1: 1826–1857. М.: Гослитиздат, 1955. 543 с.

Никифоров А.Л. Является ли философия наукой? // Философские науки. 1989. № 6. С. 52–62.

Ойзерман Т.И. Проблемы историко-философской науки. 2-е изд. М.: Мысль, 1982. 301 с.

Отклики на статью А.Л. Никифорова «Является ли философия наукой?» // Философские науки. 1989. № 12. С. 69–79.

Отклики на статью А.Л. Никифорова «Является ли философия наукой?» // Философские науки. 1990. № 1. С. 82–87.

Отклики на статью А.Л. Никифорова «Является ли философия наукой?» // Философские науки. 1990. № 2. С. 64–71.

Отклики на статью А.Л. Никифорова «Является ли философия наукой?» // Философские науки. 1990. № 3. С. 102–110.

Ратников В.П. Постмодернизм: истоки, становление, сущность // Философия и общество. 2002. № 4(29). С. 120–132.

Рорти Р., Ваттимо Дж., Забала С. Каково будущее религии после метафизики? // Логос. 2008. № 4(67). С. 93–110.

Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М.: Дом интеллект. книги, 2002. 248 с.

Фромм Э. Иметь или быть? // Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. М.: АСТ, 2000. С. 185–437.

Получена: 26.01.2022. Принята к публикации: 05.03.2022

References

- Baudrillard, J. (2000). *V teni molchalivogo bol'shinstva, ili Konets sotsial'nogo* [In the shadow of the silent majorities, or, the end of the social]. Ekaterinburg: UrSU Publ., 96 p.
- Baudrillard, J. (2015). *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and simulation]. Moscow: Postum Publ., 240 p.
- Bubentsova, K. (1998). [Philosophy as the practice of creating concepts]. *Deleuze J., Guattari F. Chto takoe filosofiya?* [Deleuze J., Guattari F. What is philosophy?]. Moscow: IEP Publ., St. Petersburg: Aleteyya Publ., pp. 4–5.
- Deleuze, J. (2004). [About philosophy]. *Deleuze J. Peregovory. 1972–1990* [Deleuze J. Negotiations. 1972–1990]. St. Petersburg: Nauka Publ., pp. 176–202.
- Deleuze, J. and Guattari, F. (1998). *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Moscow: IES Publ., St. Petersburg: Aleteyya Publ., 288 p.
- Deleuze, J. and Guattari F. (2004). [Discourse on «Anti-Oedipus»]. *Deleuze J. Peregovory. 1972–1990* [Deleuze J. Negotiations. 1972–1990]. St. Petersburg: Nauka Publ., pp. 25–40.
- Derrida, J. (1992). *Pis'mo yaponskomu drugu* [Letter to a Japanese friend]. *Voprosy Filosofii*. No. 4, pp. 53–57.
- Fromm, E. (2000). [To have or to be?]. *Fromm E. Velichie i ogranichennost' teorii Freyda* [Greatness and limitations of Freud's thought]. Moscow: AST Publ., pp. 185–437.
- Glavatskiy, M.E. (2002). «*Filosofskiy parokhod*»: god 1922-y. *Istoriograficheskie trudy* [«Philosophical steamboat»: the year 1922: Historiographic studies]. Ekaterinburg: UrSU Publ., 224 p.
- Gobozov, I.A. (2005). *Kuda katitsya filosofiya?! Ot poiska istiny k postmodernistskomu trepu* [Who needs such philosophy? From the search for truth to postmodernism chatter]. Moscow: Savin S.A. Publ., 202 p.
- Gobozov, I.A. (2009). [Globalization and primitivization of society]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and Society]. No. 2(54), pp. 5–19.
- Gobozov, I.A. (2010). [Intellectual crisis of society]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and Society]. No. 3(59), pp. 5–21.
- Graham, L.R. (1991). *Estestvoznaniye, filosofiya i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Soyuze* [Science, philosophy, and human behavior in the Soviet Union]. Moscow: Politizdat Publ., 480 p.
- Gubanov, N.I. (2007). [The poverty of the philosophy of postmodernism]. *Filosofiya i obschestvo* [Philosophy and Society]. No. 1(45), pp. 54–68.
- Hildebrand, D. fon (1997). *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 373 p.
- Kamenskiy, Z.A. (1995). *Filosofiya kak nauka: klassicheskaya traditsiya i sovremennyye spory* [Philosophy as a science: classical tradition and modern disputes]. Moscow: Nauka Publ., 175 p.
- Kapitsa, S.P. (2002). [Foreword to the translation of the book «Intellectual Tricks» by Alan Sokal and Jean Bricmont]. *Sokal A., Brikmon Zh. Intel'lektual'nye ulovki. Kritika sovremennoy filosofii postmoderna* [Sokal A., Brickmon J. Intellectual tricks. Criticism of modern postmodern philosophy]. Moscow: Dom Intel'lektual'noy Knigi Publ., pp. 6–8.
- Lektorskiy, V.A. (2017). [Why is philosophy needed today?]. *Voprosy Filosofii*. No. 7, pp. 140–143.
- Likhachev, D.S. (2018). *Zametki i nablyudeniya. Iz zapisnykh knizhek raznykh let* [Notes and observations. From notebooks of different years]. St. Petersburg: Azbuka Publ., 448 p.
- Livshits, R.L. (2020). [Philosophical lesson «Philosophical ship»]. *Novyye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Iss. 7(28), pp. 207–216.
- Malinov, A.V. and Troitskiy, S.A. (2013). [Russian philosophy banned (to the 90th anniversary of the «Philosophical Steamboat»)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. No. 1(119), pp. 53–66.
- Mamardashvili, M.K. (1992). [On understanding philosophy]. *Mamardashvili M.K. Kak ya ponimayu filosofiyu* [Mamardashvili M.K. On understanding philosophy]. Moscow: Progress Publ., Kul'tura Publ., pp. 14–26.
- Mamardashvili, M.K. (1992). [To be a philosopher is fate]. *Mamardashvili M.K. Kak ya ponimayu filosofiyu* [Mamardashvili M.K. On understanding philosophy]. Moscow: Progress Publ., Kul'tura Publ., pp. 27–40.
- Marx, K. (1968). [Economic Manuscripts 1857–1859]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols.]. Moscow: Politizdat Publ., Vol. 46, pt. 1, pp. 3–510.
- Mezhuev, V.I. (2008). [Philosophy in modern culture]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal]. No. 1, pp. 14–23.
- Mezhuev, V.I. (2017). [Philosophy as an ideology]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal]. Vol. 10, no. 4, pp. 171–180. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2017-10-4-171-180>
- Mironov, V.V. (2005). *Filosofiya i metamorfozy kul'tury* [Philosophy and metamorphoses of culture]. Moscow: SovremennyyeTetradi Publ., 424 p.

Momdzhyan, K.Kh. (2021). [Returning to the search for truth: once again on the status of contemporary social philosophy]. *Voprosy filosofii*. No. 2, pp. 29–41. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-2-29-41>

Musaelyan, L.A. (2000). [To the question of the scientific nature of philosophy]. *Novye idei v filosofii: sbornik nauch. trudov* [New Ideas in Philosophy: collect. of scientific works]. Perm, iss. 9, pp. 196–205.

Musaelyan, L.A. (2016). *Istoricheskiy protsess i globalizatsiya* [Historical process and globalization]. Perm: PSU Publ., 128 p.

Nikiforov, A.L. (1989). [Is philosophy a science?]. *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. No. 6, pp. 52–62.

Nikitenko, A.V. (1955). *Dnevnik: v 3 t. T. 1: 1826–1857* [Diary: in 3 vols. Vol. 1: 1826–1857]. Moscow: Goslitizdat Publ., 543 p.

Oizerman, T.I. (1982). *Problemy istoriko-filosofskoy nauki* [Problems of historical and philosophical science]. Moscow: Mysl' Publ., 301 p.

Otkliki na stat'yu A.L. Nikiforova «Yavlyatsya li filosofiya naukoy?» [Responses to the article by A.L. Nikiforova «Is philosophy a science?»] (1989). *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. No. 12, pp. 69–79.

Otkliki na stat'yu A.L. Nikiforova «Yavlyatsya li filosofiya naukoy?» [Responses to the article by

A.L. Nikiforova «Is philosophy a science?»] (1990). *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. No. 1, pp. 82–87.

Otkliki na stat'yu A.L. Nikiforova «Yavlyatsya li filosofiya naukoy?» [Responses to the article by A.L. Nikiforova «Is philosophy a science?»] (1990). *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. No. 2, pp. 64–71.

Otkliki na stat'yu A.L. Nikiforova «Yavlyatsya li filosofiya naukoy?» [Responses to the article by A.L. Nikiforova «Is philosophy a science?»] (1990). *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. No. 3, pp. 102–110.

Ratnikov, V.P. (2002). [Postmodernism: origins, formation, essence]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society]. No. 4(29), pp. 120–132.

Rorti, R., Vattimo, Dzh. and Zabala, S. (2008). [What is the future of religion after metaphysics?]. *Logos*. No. 4(67), pp. 93–110.

Sokal, A. and Brikmon, Zh. (2002). *Intel'ktual'nye ulovki. Kritika sovremennoy filosofii postmoderna* [Intellectual tricks. Criticism of modern postmodern philosophy]. Moscow: Dom Intel'ktual'noy Knigi Publ., 248 p.

Received: 26.01.2022. Accepted: 05.03.2021

Об авторе

Мусаелян Лева Асканазович

доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: lmusaelyan@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0134-5871>
ResearcherID: N-4762-2017

About the author

Lyeva A. Musayelyan

Doctor of Philosophy, Docent,
Head of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: lmusaelyan@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0134-5871>
ResearcherID: N-4762-2017

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мусаелян Л.А. Кому нужна сегодня эта философия? Статья первая. Почему существует сомнение в необходимости преподавания философии в вузах России // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. Вып. 1. С. 78–90. DOI: [10.17072/2078-7898/2022-1-78-90](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-1-78-90)

For citation:

Musayelyan L.A. [Who needs this philosophy today? Part 1. Why there is some doubt about the need to teach philosophy in Russian universities]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2022, issue 1, pp. 78–90 (in Russian). DOI: [10.17072/2078-7898/2022-1-78-90](https://doi.org/10.17072/2078-7898/2022-1-78-90)